ОК Робин Хобб

Квест 1. Тексты малых форм

Содержание

Вопрос доверия 2
Пять причин, из-за которых Шут любил Фитца 9
Деревянная шкатулка 13
Убежище 18
Пробуждение 21
Не решай за меня 28
Драконы 29

Вопрос доверия

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: мини, кол-во слов: 2 004

Пейринг/Персонажи: Фитц/Шут, Ночной Волк

Категория: слэш

Жанр: Romance

Рейтинг: PG

Предупреждения: AU

Краткое содержание: Для Фитца Шут всегда был больше, чем друг.

Примечание: Таймлайн — книга "Миссия Шута". Скилл — магия династии Видящих. Лорд Голден — альтер-эго Шута.

Размещение: С разрешения автора.

— Ты мне доверяешь? — спросил Шут.

Я с подозрением посмотрел на него, потом на ленту, которую он держал: чёрная, широкая, прочная, — её не просто будет развязать. Мне не хотелось, чтобы мою свободу как-либо ограничивали.

После плена у Регала сама мысль об этом вызывала страх, липкий и приносящий кошмары. Ночной Волк, почувствовав отголоски моих эмоций, недовольно заворчал.

Откажись. Я сам найду принца Дьютифула.

Я смогу помочь, — возразил я.

Чем? Плохой нюх, слабое зрение, тупые зубы и ни капли терпения.

Но я же не волк!

Вот именно.

Он довольно оскалился. Я обратился к Ночному Волку, но наткнулся на стену: его мысли стали сокрыты. Он охотился и не хотел, чтобы ему мешали. Сосредоточившись, я мог ощутить влажную траву под его лапами, свежий запах хвои, щекочущий нос, и сладковатый аромат убегающего кролика.

Славная добыча, жирная, так и просящая, чтобы её поймали.

— Фитц?

Я моргнул и вновь оказался в комнате Шута. В ней пахло пряностями и сладковатыми духами лорда Голдена.

— Если не хочешь, так и скажи. — Шут обиженно отвернулся.

— Нет, всё в порядке. Давай сделаем это.

Обсуждая нашу миссию, Шут спросил, могу ли я использовать Скилл для поиска Дьютифула. Я неуверенно кивнул, но честно признался, что мне трудно сосредоточиться:

всё ещё беспокоили головные боли и приступы, после которых я ощущал себя слабее новорождённого ребёнка.

Тогда-то Шут и придумал завязать мне глаза. Дескать, так будет легче работать со Скиллом.

— Уверен? — спросил он. — Я не хочу тебя принуждать.

— Всё в порядке, — повторил я. — Я доверяю тебе.

Произнести это оказалось легко. Легче, чем не отшатнуться, когда он встал за моей спиной. Я ощутил его прохладные руки на лице и аромат духов. Что-то цветочное, приторное, свойственное лорду Голдену, а не Шуту.

Шут убрал выбившуюся прядь волос мне за ухо и попросил:

— Закрой глаза.

Я зажмурился, стараясь дышать глубоко и размеренно. Попытался расслабиться, но не получалось. Тихий шелест ткани. Лента оказалась гладкой и совершенно непроницаемой для света. Я всё ещё мог слышать, различать запахи и ощущать мягкую обивку кресла. Благодаря Уиту я знал, что в комнате находились только я и Шут, а Скилл в разы обострил моё восприятие и отчасти заменил мне зрение.

Шут не отстранился. Напротив, сжал мои плечи и прошептал:

— Всё хорошо. Дыши.

Он почти обнимал меня, словно, так же как и я, ощущал пронизывающий до костей страх и не позволял остаться с ним наедине. В темноте, лишённый возможности видеть, я не был одинок. Это ободряло и придавало уверенности. Я откинулся на спинку кресла, пытаясь сосредоточиться, но вместо поисков Дьютифула мой Скилл потянулся к Шуту.

Я видел нас как будто со стороны. Шут всё ещё был рядом. Задумчиво перебирал мои волосы, наклонившись так близко, что я ощущал его дыхание на щеке. Жёлтые глаза были прищурены, как будто он раздумывал, что делать дальше. Непривычно было видеть Шута нерешительным.

За маской лорда Голдена трудно было разглядеть моего старого друга. Он менял личины так же часто, как и перчатки. Вчера тонкие и шёлковые, обхватывающие руки, словно вторая кожа, а сегодня — сшитые из золотой парчи и украшенные затейливой вышивкой. Шут редко снимал их, опасаясь прикасаться к людям обнажённой кожей.

Серебристые отпечатки пальцев на моем запястье начало покалывать. В предвкушении или тревоге — я не знал. Оставаясь наблюдателем, я мог видеть, как Шут снял одну из перчаток. Кончики его пальцев казались испачканными в серебряной краске, а лицо было сосредоточено, словно ему предстояло проделать сложную работу, требующую аккуратности и точности.

Шут склонился ещё ниже, прижимаясь своей щекой к моей. Его кожа как всегда была холодной и гладкой, как будто у каменной статуи. Статуи, которая ходила, дышала,

разговаривала, но только притворялась живой. Шут сжал моё запястье, прижимая посеребрённые пальцы к отпечаткам на моей коже.

Миг — и нас стало двое. В реке Скилла Шут выглядел как золотой шар, обжигающе горячий, стоило к нему прикоснуться. Рядом же со мной он едва тлел, но сиял так ярко, что на него было больно смотреть.

Наверное, Шут хотел последовать за мной в поисках Дьютифула. Или усилить нашу связь, что он с энтузиазмом проделал, когда Ночной Волк подавился рыбьей костью. Тогда это возмутило меня. И испугало.

Власть, которую давал Скилл, была похожа на обоюдоострый нож. Я мог проникнуть в сознание Шута, узнать все его тайны, изменить воспоминания, но и он мог на меня влиять. Соблазн воспользоваться нашей связью был велик, но я справился, а Шут — нет.

Я видел не только его, но и нити, крепко связывающие нас. Они были похожи на струны арфы. Прикоснись — и услышишь их мелодию: порой сладкую, как пение пташки, порой тревожную, как дыхание загнанного зверя.

Когда Шут понял, что по-прежнему находится в комнате, он смутился. Золотистый шар вспыхнул и почти погас, став тусклым. Но нити, напитавшись силой, сверкали и притягивали к себе внимание. Дотронувшись до них, я уловил отголоски его чувств: смятение, досада и раздражение.

Он ни капли не жалел о своём поступке.

Ты мне доверяешь?

«А ты?» — хотел я спросить.

Свои тайны Шут ревностно охранял. В чужих же с завидным постоянством копался, выставляя самые неприглядные на всеобщее обозрение.

Я разозлился. Потянул за нити и без предупреждения вытолкнул его назад в тело. Неподготовленному человеку это грозило дикой головной болью. Для Шута, у которого Скилл не был в крови, последствия были непредсказуемы.

Он справился. Лишь вздрогнул да побледнел, а потом медленно отстранился, выпуская меня из объятий. Шут казался оглушенным, словно его ударили по голове пыльным мешком.

Я испытал краткий миг торжества, но оно быстро сменилось сожалением. Я не хотел вредить Шуту, но иногда его любопытство становилось невыносимым.

Ленту действительно оказалось сложно развязать. Она юркой змеёй скользнула по моей коже, и я отбросил её, как будто боялся, что она оживёт и укусит меня.

— Зачем ты это сделал? — хрипло спросил я.

Горло пересохло, и я налил себе бренди. Выпил залпом, не ощущая вкуса, только жар опалил горло. На Шута я старался не смотреть.

Мне было неприятно, что он воспользовался моей уязвимостью, чтобы укрепить связь. Хотя куда ближе? Шут и так знал обо мне больше, чем кто-либо.

— Я хотел помочь, — ровно ответил Шут.

— Неужели?

— В прошлый раз ты потерял контроль, — сухо заметил он.

Он безупречно владел своим голосом и эмоциями, что вызвало у меня лишь горькую усмешку. Сейчас Шут был больше похож на лорда Голдена, чем на моего друга.

— Связь усилилась, — устало сказал я, садясь в кресло.

Я ощущал приближающуюся мигрень. Она была такой же неотвратимой и беспощадной, как шторм зимой на море. Если бы я находился в своей хижине, то заварил бы эльфовской коры, чтобы облегчить боль. Но Чейд стребовал с Шута обещание, что, пока длится наша миссия, я не стану её принимать.

— И что в этом плохого?

— Ничего, если ты готов отдать столько же, сколько берёшь.

— Фитц...

— Шут, — перебил я его. — Давай не будем спорить. Я не хочу ссориться. Не сегодня.

Он промолчал. Тихие шаги, скрип двери, и я остался в комнате один.

Шут всё же обиделся.

Поймай для него кролика.

Ночной Волк был уставший и сонный после охоты, но не удержался от соблазна дать мне совет.

И чем это поможет?

Сытый волк — счастливый волк.

Шут — не волк.

Ты тоже, маленький брат, но от куска сочного мяса ещё никто не отказывался.

***

Возможно, это была не самая удачная мысль — прийти к нему ночью в спальню, но я не мог ждать утра. Завтра меня вполне мог встретить изнеженный джамелийский лорд, за маской которого так любил прятаться Шут.

Он открыл не сразу. Его волосы были распущены, а камзол сменил богато украшенный домашний халат. Шут был похож на дорогую куклу, которую я видел в витрине магазина во время моего путешествия в Удачный. Куклу, чьё лицо разрисовали яркими красками, пытаясь придать ей сходство с живым человеком.

Работа со Скиллом далась ему тяжелее, чем я думал. Это было видно по теням, залёгшим под глазами, и опущенным плечам.

— Можно войти? — спросил я.

В руках у меня было несколько бутылок отменного вишнёвого бренди, по послевкусию схожего с абрикосовым, хоть и крепче. Мяса посреди ночи я не нашёл.

Шут задумчиво склонил голову на бок, а потом посторонился. Наверное, мне удалось пробудить у него интерес, раз он не сразу захлопнул дверь перед моим носом.

Я вошёл комнату, разлил бренди по стаканам и передал один Шуту. Он, не говоря ни слова, выпил, чуть поморщившись.

Молчать у нас получалось лучше, чем говорить.

— Зачем ты пришёл? — Шут первым нарушил тишину.

— Извиниться. Я был не прав.

Он недоверчиво хмыкнул, но не стал спорить или врать, что не сердится на меня. Молча протянул стакан, и я послушно наполнил его. Шут не имел привычки напиваться. Значит, он что-то хотел сделать или попросить, но у него не хватало смелости.

— Ты не хочешь усиления нашей связи. Почему?

Что это: прихоть, или ему действительно было важно узнать причину? Шут никогда не спрашивал прямо, предпочитая жонглировать словами, ловко выуживая важные для него сведения.

Я хорошо знал его. Достаточно хорошо, чтобы понять, что мой ответ имеет для Шута большое значение и он не примет ни открытого вранья, ни полуправды.

— Я боюсь потерять себя, — честно признался я.

В серебряной реке Скилла легко можно было утонуть, если неправильно рассчитать силы. Но утонуть можно и в человеке, навсегда потеряв своё «я».

— Ты мне не доверяешь?

— А ты? — ответил я вопросом на вопрос.

Шут закрыл глаза, словно пытался собраться с мыслями. На его усталом лице не было краски, которой так любил себя разрисовывать лорд Голден. Оно казалось юным, уязвимым, но я знал, что Шут гораздо старше меня.

— Доверяю, — сказал он.

Достал из кармана черную ленту и протянул мне.

— Ты хочешь, чтобы я завязал себе глаза?

— Не себе. Мне, — Шут снисходительно улыбнулся, увидев, что я смутился.

— Зачем?

Я действительно не понимал, для чего это ему понадобилось. То ли он себе что-то хотел доказать, то ли мне. Шут залпом выпил второй стакан бренди и ответил:

— Я хочу, чтобы ты доверял мне не только на словах.

Его волосы были мягкими и пахли свежестью. Он склонился ко мне, чтобы я смог завязать ленту. Можно было подумать, что Шута происходящее совершенно не беспокоило, но его руки были сжаты в кулаки так сильно, что побелели костяшки.

Я почувствовал себя виноватым, словно собирался забрать у него что-то важное. Что-то, чем он ни с кем не хотел делиться. Я обхватил его лицо, заставляя поднять голову. Шут немного расслабился и робко улыбнулся, стараясь сгладить неловкость. А после медленно поднял руки — на них не было перчаток — и прикоснулся к моему лицу. Медленно исследуя его, он ощущал себя всё увереннее. Лоб, сломанный нос, шрам, тянущийся от виска к щеке, губы, на которых его пальцы задержались чуть дольше, — казалось, что Шут заново узнавал меня, делая нас ещё на шаг ближе.

Когда его ладони заскользили по моим рукам, я напрягся. Я одновременно не хотел, чтобы он дотрагивался до отметин на запястье, и испытывал мучительное любопытство. Как это будет в этот раз? Ощущал ли Шут то же волнение, соединяясь сознаниями? Боялся ли потерять себя?

Он понял меня без слов, но всё же спросил:

— Можно?

Мы оба были уязвимы сейчас, каждый по-своему, и отчаянно не желали терять контроль, но я решил рискнуть.

— Можно.

Получив моё согласие, Шут прикоснулся к отметинам. Это было похоже на вспышку. Он пронёсся по моим венам живым серебром, растворяясь и сливаясь со мной в единое целое. Ближе, чем любовник, сильнее, чем связь с Уит-партнёром. Я одновременно был и Шутом, и собой, будто условная грань, разделяющая нас, исчезла. Ни на что не похожее ощущение, которое нельзя назвать Скилл-связью. Разве можно связаться с самим собой? Или почувствовать, как одновременно целуешь сам и целуют тебя?..

Всё закончилось так же неожиданно, как началось. Я дышал тяжело, как будто долго-долго убегал от погони. Выражение на лице Шута было нечитаемым, но его губы искривила лукавая улыбка, а щёки окрасил лёгкий румянец. Лента развязалась и повисла на его шее нелепым украшением.

— Спасибо, — прошептал Шут.

Я не знал, за что он благодарил меня. Не знал, что сказать, чтобы не нарушить хрупкое взаимопонимание, которое возникло между нами, поэтому просто сжал его ладонь.

Шут улыбнулся, прекрасно понимая меня без слов.

Ночь мы провели вместе. Возможно, сказалось выпитое бренди, возможно — наше общее нежелание остаться в одиночестве. Я долго не мог уснуть, прислушиваясь к едва слышному дыханию Шута. Пытался понять, что произошло, но мысли путались, переплетались между собой, будто побеги плюща, а голова начинала болеть.

Шут заворочался и крепче обнял меня. Трудно было поверить, что он находился так близко. Всегда отстранённый и ревностно охраняющий своё личное пространство, этой ночью он сделал для меня исключение.

Я не испытывал неловкости или ощущения неправильности происходящего. В конце концов, для меня Шут всегда был больше, чем друг.

Пять причин, из-за которых Шут любил Фитца

Переводчик: ОК Робин Хобб

Оригинал: Five Reasons The Fool Loved Fitz by emothy, разрешение на перевод получено

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: мини, кол-во слов: 1260

Пейринг/Персонажи: Фитц/Шут

Категория: слэш

Жанр: Romance

Рейтинг: G

Краткое содержание: Пять причин, из-за которых Шут любил Фитца (ведь, несомненно, так и было)

1.

Осматриваясь по сторонам, Шут видит всё в оттенках чёрно-белого. Сквозь листья деревьев и медленно распускающиеся цветы наблюдает, как люди проходят мимо, игнорируя его, словно он совсем незначителен. «Возможно, — горько думает он про себя, — так и есть». Даже если Шут не предвидел события, те всё равно произойдут, не так ли? Мир будет идти своим чередом, переходить из одного цикла в другой, благодаря действиям обычных людей.

Молодая бледная женщина, мрачный мускулистый мужчина. Для него они даже не игровые фигуры, а детали оформления на поле. Шут двигается медленно, высматривая основных игроков — тех, кто стремился бы изменить течение времени ради своих собственных целей.

Верити, будущий король, — маловероятно, по мнению Шута. Чивэл, обещанный и так и не взошедший на престол. Регал, последний в очереди на трон, с именем, выдающим его судьбу, хоть и совершенно безвкусным. Обводя взглядом знать замка, Шут видит приглушённые тона: чахлый красный и затхлый голубой. Стареющий жёлтый и выцветший зелёный. Даже находясь в игре, участники — лишь сосуды для игральных фигур.

Сложно определить, чего тебе недостаёт, пока не появится возможности сравнить. Она появляется — и Шут сразу узнаёт об этом — в тот день, когда в замок прибывает мальчик. Шуту давно являлись видения об этом дне, но даже те намеки не смогли подготовить его к увиденному в цвете. Тёмные волосы, тёмные глаза, отражающие слишком много мыслей для столь юного ребёнка. Его одежда — не важная, поскольку вокруг него мерцали возможности всех вообразимых красок. Одним своим существованием он заставил мир озариться многообещающим светом.

2.

Чейд вздохнул бы. Верити бы нахмурился, его лицо бы помрачнело. Баррич когда-то дал бы оплеуху, сейчас же лишь неодобрительно искривил бы рот, и его глаза наполнились бы чувством вины перед Королём-в-ожидании, которому он когда-то служил и который больше его не услышит. Молли бы тихо плакала, кричала, бросала бы что-нибудь — каждый раз что-то разное, но всегда настолько тёмное и глубоко ранящее, что это предательство было уже не стереть.

Все они что-то требовали от Фитца, он же лишь желал распоряжаться собой сам. Они все обращались с ним как с мальчишкой — Чейд, Баррич, даже Шрюд и Верити, отправившие его убивать; даже Молли всего лишь парой слов превращала его в неразумного мальчика, пытающегося ухватиться за большее, чем он был способен прожевать. Никто не позволял ему принимать решения самостоятельно; для них было важно, чтобы Фитц следовал приказам, требованиям и советам о том, какими должны быть его и их жизни. Но всё оказалось не таким простым, как им бы хотелось.

По иронии, единственным, кто ничего от Фитца не требовал и не пытался вылепить из него того, кем ему предназначено стать, был Шут — для него Фитц служил источником перемен, которые случались из-за его упрямых решений.

Временами Шут жаждал коснуться щеки Фитца — совершенно человеческое желание — и впитать в себя часть той наивности лишь затем, чтобы узнать, как это ощущается. Если бы он только мог, он бы сохранил этого эгоистичного, импульсивного мальчишку навсегда.

3.

Это была любовь столь же эгоистичная, насколько день был долог. Любовь, бывшая чем-то гораздо большим, чем простое касание, чем влечение; большим, чем жизнь, проведённая вместе. Это была любовь, которая резонировала в каждой фибре его существа, соединяла с другой душой через нити — настолько тонкие, что их нельзя было увидеть, настолько сильные, что они не могли быть разъединены, и настолько долгие, что могли простираться через любое расстояние.

Это была любовь, основанная на всей его жизненной цели. Неизбежная привязанность к своей отдельной, противоположной половине, Изменяющий как противопоставление Пророку; тот, кто заставлял события происходить, вместо того, чтобы предвидеть, и думать, и чувствовать их в подсказках и колебаниях, — возможно, гораздо раньше. Это была любовь, процветающая на добродетели, и справедливости, и всех решениях, которые, независимо от того, насколько они мудры, приведут к лучшему будущему.

Она была всем этим вместе — и чем-то большим, выходящим за пределы слов и воображения. И порой это была любовь столь эгоистичная, что Шут мог сказать: она не имела вообще никакого отношения ни к одной из этих причин.

4.

И именно из-за любви Шут смог уйти. Не то чтобы он не испытывал боли и сожаления, поступив так, но любовь сделала их незначительными — как лошадь перевесила бы мышь на весах.

За годы, в течение которых он пытался позволить Фитцу жить спокойной, обычной жизнью, Шут вырезал некое подобие жизни для себя самого. Новое имя, новое ремесло; придворному Шуту не было места в Удачном, а после смерти Шрюда не стало и в Шести Герцогствах. Новый Изменяющий, сказал он себе, поскольку Фитц никогда не вызовет перемен в месте, где Шут никогда не был или в которое не верил. Однажды Шут обнаружит, что ошибался, но в любом случае на людей, нуждающихся во влиянии, следовало влиять, а это было его призванием.

Годами Шут гадал, когда же их пути снова пересекутся, когда произойдут события, которые могли бы стоить ему жизни, если бы он так сильно не цеплялся за судьбу и не смеялся «против ветра» над тем, что его время ещё не пришло. Время покажет, и когда это произойдёт, он будет знать.

Выскользнуть из новой жизни почти так же легко, как и скользнуть в неё. Словно наряды, которые никогда по-настоящему не подходили и от которых ты рад избавиться, хоть и за долгое время ношения привязался к ним, какими бы неудобными они ни были. Шут обещал поддерживать связь и заставил себя быть жёстче при прощании, зная, что скоро вновь увидит Фитца.

Ради любви он оставил Фитца в покое; ради любви же и вернётся. И ради любви будет молиться, чтобы в конце за всё получить прощение.

5.

Самое поразительное, самое потрясающее, что Фитц до сих пор даже не осознаёт всю значимость своих поступков. Жизнь дня него — лишь череда решений, которые необходимо принять, и Фитц так и поступает. Шуту хотелось бы показать ему, сколько людей вокруг него медленно бредут по жизни — шаг за шагом, отдавая себя на волю случая. Вовсе не желая воздействовать на то, что их окружает, — ни положительно, ни отрицательно.

Фитц видел жизнь с разных сторон: ребёнка, бастарда, Изменяющего, брата Ночного Волка, Видящего, племянника Короля-в-ожидании, внука короля, врага Претендента на престол, Древней Крови. Пусть он и не понимает суть вещей так, как, по мнению Шута, необходимо, но каждый аспект решений, принятых им в прошлом, привёл

колёса в движение. И Фитц даже не осознаёт, какой это подвиг: куда более грандиозный, чем любой акробатический трюк или остроумный комментарий, выданный Шутом — или лордом Голденом — во дворе Баккипа.

За всё, что Фитц сказал и совершил, за всё, кем он является и за что борется, — Шут любит его за смелость вершить перемены; никогда не осознавая, какой он особенный и насколько отличается от остальных, раз может так поступать.

Деревянная шкатулка

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: мини, кол-во слов: 1698

Пейринг/Персонажи: Фитц, Шут

Категория: джен

Жанр: приключения

Рейтинг: G

Предупреждения: AU. POV Фитца. Возможен ООС.

Краткое содержание: Альтернативная версия встречи главных героев.

Примечание: Таймлайн — после окончания "Судьбы Шута".

Дисклеймер:На героев и мир не претендую, всё принадлежит Робин Хобб.

Размещение: после выкладки по запросу.

Я сидел на кровати, держа в ладонях небольшую деревянную коробочку. Её привезли в Ивовый Лес из Баккипа вместе с остальными мелкими посылками. К ней прилагалась записка от Чейда, в которой говорилось, что это сновидческая шкатулка, и её доставили из Удачного, попросив передать лично мне. Отправитель был неизвестен. Старый советник говорил, что будь его воля, он бы разобрал её на части — вдруг это какая-нибудь гадость с ядами? Но решил довериться моим уму и жизненному опыту, предоставив мне право разбираться со шкатулкой самому.

Прочитав записку, я хмыкнул. Конечно, ум и жизненный опыт у меня присутствовали, но не когда дело касалось странных вещичек из Дождевых Чащоб. Я плохо представлял себе, что представляют собой сновидческие шкатулки, знал только, что они насылают определённые сны, что, в общем-то, из названия и так было ясно.

Хотя даже из снов можно сделать выводы. Мне, как владельцу и мастеру Скилла, хорошо было известно, что может нести с собой непростой сон. Скорее всего, в шкатулке прибыло послание с юга, которое не хотели доверять бумаге. Но почему именно мне? Ведь я давно отошёл от политики и не жил в королевском замке.

Раздумывая, я медленно водил пальцем по идеально гладкой поверхности шкатулки. Она не была отполирована или покрыта лаком, казалось, дерево само выросло таким. Единственной неровностью была лишь выемка под крышкой. Я подцепил её ногтем указательного пальца, и тот идеально вошёл туда, как будто отверстие вырезали специально для меня. Интересно, кто же сотворил такой шедевр?

Я убрал палец, потому что не хотел пока открывать её, и поставил шкатулку на ладонь. Поднеся к носу, я попытался уловить своим волчьим обонянием следы какой-либо отравы.

Сначала не было никакого запаха. Абсолютно. Не пахло даже деревом. Но потом я ощутил слабый аромат мёда и абрикосов.

Вздрогнув, я чуть не уронил шкатулку. И тут же открыл её. Внутри ничего не было. Почему-то ничуть не удивившись, я легонько улыбнулся. А после поставил деревянную драгоценность на тумбочку и, откинувшись назад, мгновенно провалился во тьму.

***

Очнувшись, я лежал на песчаном берегу. Стоило мне открыть глаза, как их ослепило яркое солнце, находившееся точно над головой. Прикрыв веки, я медленно поднялся и некоторое время стоял, прислушиваясь и принюхиваясь. Шумел прибой, слышались незнакомые голоса птиц. В лицо задувал горячий ветер, который приносил с собой запах соли и какой-то гнильцы.

Посмотрев по сторонам, я обнаружил берег моря, к которому почти вплотную подступал тропический лес, оставляя лишь небольшую полоску песка. От такого зрелища я поёжился, несмотря на ужасную жару, потому что вспомнил берег, на котором оказались мы с принцем Дьютифулом, пройдя через колонну Скилла. Правда, стоило признать, это место было ещё невыносимей.

Солнце в зените нещадно пекло мне голову, но, посмотрев на плотно сомкнутые ветки и переплетения лиан, в тень леса я идти расхотел. Что-то подсказывало, что там я не найду желаемого. А ради того, чтобы найти создавшего этот сон, я бы вытерпел всё что угодно.

Я сделал несколько шагов и ощутил, как в ботинки набрался песок. Вздохнув, я снял их. Голые ступни обожгло так, будто я встал на горячие угли. Я поморщился и подошёл к морю.

Идя вдоль берега по тёплой воде, я ощущал, что мне становилось легче с каждым шагом. Даже солнце как будто перестало палить. Взглянув на небо, я понял, что не ошибся — раньше оно было ослепительно голубым, а теперь на нём появились облака, одно из которых закрыло солнце. Вскоре стало прохладно, и я вышел на песок. Становилось все темнее и ветер начал усиливаться. На песке то и дело встречались груды камней, так что теперь мне приходилось сгибаться и перелазить через преграды.

Преодолев особенно большой валун, я вновь оказался на песчаном пляже. И тут же застыл как вкопанный, не в силах оторвать взгляда от открывшейся картины.

То, что предстало моим глазам, было достойно изображения на одном из замковых гобеленов: около самого края воды, подставив лицо шторму и раскинув руки, стоял с закрытыми глазами Шут, явно наслаждаясь разыгравшейся стихией. Его длинные золотые волосы, собранные в высокий хвост, нещадно трепал ветер, свободная белая рубашка, какие носят матросы, казалось, была готова порваться под таким напором, но в остальном он оставался совершенно неподвижным. Таким неподвижным, что напоминал

драконов в каменном саду, и в то же время в нём чувствовалась огромная жизненная сила.

Вдруг краем глаза я заметил надвигающуюся на него с моря большую волну и закричал что есть силы:

— Осторожно! — но моё предупреждение завязло в начинающейся грозе.

Шут почувствовал опасность слишком поздно. Он испуганно распахнул свои янтарные глаза и бросился было к лесу, но волна нагнала его и накрыла с головой.

— Шут! — бесполезно крича, я устремился к нему.

Я с облегчением увидел, как он встал с колен, на которые упал во время удара, и опять припустил прочь от моря, не замечая меня.

Начинался ливень.

Я нагнал его у самой границы деревьев и схватил за предплечье. Шут вздрогнул и начал поворачиваться ко мне, но я, толком не взглянув на него, потянул его под полог леса.

Спрятавшись от разыгравшейся стихии, мой друг без лишних слов заключил меня в такие крепкие объятия, что я в который раз подивился силе, прятавшейся в столь хрупком теле. Обхватив его за плечи, я закрыл глаза и замер, ощущая частое от бега дыхание и стекающие по щеке капли от его мокрых волос.

Кожа Шута, и так обычно прохладная, сейчас была совсем холодной. Он мелко дрожал.

— О, Ф-фитц...— начал он, но трясущиеся губы не дали ему продолжить.

Я нахмурился, но быстро сообразил, что надо делать. На секунду погрузившись в поток Скилла, я начал привычным способом изменять сон. Но течение магии вдруг натолкнулось на препятствие, которое не могло преодолеть. Будто стена льда возникла поперёк реки. Разозлившись, я обрушился на неё со всей мощью и сообразил, что перестарался, когда было уже поздно.

Рёв бури утих в одно мгновение, наступившая тишина ударила по ушам. Вспыхнувший яркий свет солнца ослеплял даже через прикрытые веки. Я почувствовал, как Шут выскользнул из моих рук.

— Фитц, ты опять как будто тараном бьёшь в ажурную калитку, — посмеялся он.

Открыв глаза, я увидел, как он вышел на берег и теперь распускал волосы, чтобы дать им просохнуть.

— Покажи тогда ювелирную работу, — я улыбнулся и протянул ему руку.

Он взял меня за запястье, и принесённая моим Скиллом удушливая жара стала легче, а с моря подул лёгкий тёплый ветер.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Казалось, все прошедшие годы пролетели за один день. Шут изменился лишь немного: всё та же смуглая кожа и золотые волосы, правда, теперь они были темнее и грозили вскоре стать русыми, а янтарные глаза

постепенно превращались в карие. Мой друг так и не стал шире в плечах или плотнее. Черты лица даже, наоборот, стали менее острыми, теперь его опять можно было принять за юношу.

Он поднял руку и провел пальцем по шраму на моём лице. Я вздрогнул — за теплотой в его глазах мелькнули глубокое отчаяние и страх.

Шут почувствовал моё напряжение и чуть отступил назад.

— Фитц, я так рад, что моя шкатулка дошла до тебя! — во взгляде снова плескались свет и безмятежность.

— Я тоже безмерно рад тебя видеть.

Но что же сказать ему? Когда много лет назад мы расстались, я не считал наш разговор оконченным, но сейчас поднимать старые темы совершенно не хотелось.

Да и новые тоже. Ведь глупо рассчитывать, что он прислал сновидческую шкатулку лишь для того, чтобы увидеться со мной.

И Шут, казалось, тоже не хотел нарушать чудом установившийся покой.

— Пойдём, я тебе кое-что покажу, — он тронул меня за руку и побежал к груде камней. Он быстро оторвался от меня, да я и не спешил, наблюдая за тем, как изящно он перепрыгивал с камня на камень. Оказавшись на вершине, он обернулся и насупился, увидев, что я отстал. Но, поняв, что я и не собираюсь торопиться, отвернулся к горизонту, предоставив мне любоваться своими лёгкими светлыми волосами, живописно раскинувшимися по плечам.

Поднявшись, я посмотрел туда же и замер в восхищении: над морем резвилось несколько золотых и серебряных драконов. Словно молнии, они гонялись друг за другом настолько быстро, что глаза не успевали разглядеть их как следует. Драконы были меньше, чем Тинталья и Айсфир, похоже, они вышли из коконов совсем недавно.

Я с улыбкой взглянул на друга, который не отрывал от волшебных созданий взгляда. Но тут лицо его нахмурилось. Я снова посмотрел на море — дракончиков начала заволакивать серая дымка и постепенно они скрылись из наших глаз.

Шут возмущённо хмыкнул, и я почувствовал, как он пытается воздействовать на сон, но ничего не получалось. Я попробовал помочь ему Скиллом, но почему-то опять наткнулся на стену.

— Фитц, подожди, тут что-то не то, — напряжённо проговорил Шут. Он схватил меня за запястье и начал аккуратно, будто работал с украшением из дерева, проделывать в «стене» отверстие.

— Мы не одни, — наконец догадался я и мысленно выругался, что не понял этого раньше.

«Мастер Скилла, называется. Но чужак хорошо скрывается, я его не чувствую. Неужели кто-то может быть так силён? Или дело в том, что сны, навеянные шкатулками, отличаются от обычных?»

Шут ничего не ответил, сосредоточившись на преодолении барьера. Его ногти судорожно царапали мою руку, а глаза невидяще смотрели в одну точку. Я почувствовал, как его сознание начало медленно ускользать.

— Перестань, это небезопасно! — Вырвав руку, я схватил друга за плечи и грубо встряхнул.

Тот моргнул, и его взгляд обрёл осмысленность, которая сразу же сменилась страхом.

— Фитц, нам надо проснуться, — слабо проговорил он.

— Уходи, быстро, тут опасно, — велел я. Шут кивнул и начал исчезать. Из его пробуждающегося сознания до меня донеслись качка и скрипение снастей.

— Куда ты плывёшь?.. — запоздало спросил я, когда он уже исчез.

Повернувшись снова к морю, я обнаружил, что оно полностью скрылось за завесой тумана. Но я мгновенно смог её убрать, потом окрасил небо в закатные цвета, создал вдалеке остров с башней Неттл и поместил на море пару кораблей. Стена исчезла, как будто её и не было. Правда, вернуть драконов я так и не смог.

— Что же произошло?..— задумчиво проговорил я и рефлексивно поднёс ко рту появившийся в руке абрикос. В ушах зазвенел чей-то издевательский смех, и меня грубо вытолкнуло из сна.

***

Я рывком сел на кровати.

«Срочно в Баккип!» — билось в мозгах, словно это был закреплённый Скиллом приказ.

Голова буквально раскалывалась, чего не случалось уже много лет. Я поднёс руку к виску. В неверном свете просыпающего солнца вдруг показалось, что на запястье вернулись серые следы. Или… не показалось?

Убежище

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: драббл, кол-во слов: 698

Пейринг/Персонажи: Олух, Неттл, фоном Фитц

Категория: джен

Жанр: General

Рейтинг: PG

Краткое содержание: О первых днях путешествия к Внешним Островам глазами Олуха.

Примечание: Таймлайн — книга "Судьба Шута".

Олух воспринимает Фитца как человека-волка. Неттл — женщина, которая спасла его от кошмаров.

Размещение: С разрешения автора.

Олуху снилось море: бескрайнее и беспощадное, холодное, как зимние ветра в Баккипе. Оно было похоже на огромную лужу, серую и грязную. Он старался не смотреть на него, когда поднимался по трапу на корабль, потому что помнил слова Сады о морской болезни.

— Сначала — терпимо, — говорила она, — только пол будет качаться, да запах галет и капусты станет сильнее. А потом тебя начнёт тошнить. Долго тошнить, пока ты не выблюешь свои кишки на палубу. Я помню, как это было.

Сада так красочно рассказывала о всех злоключениях морского путешествия, что Олух поверил ей. Поверил безоговорочно, что у него обязательно будет морская болезнь, и он умрёт.

Человек-волк пытался его переубедить, сидел с ним целый день и не давал свалиться за борт, когда его тошнило, но Олуху становилось только хуже.

А ночью ему приснился кошмар.

Он тонул. Его окружала толща морской воды, заглушая музыку: тихую песнь ветра, скрип канатов, смех матросов, играющих в кости на палубе, звон посуды в кубрике и плеск волн.

Олуху не нравилась мелодия, но она успокаивала.

В воде же на него со всех сторон давила тишина. Он задыхался. Воду сверху покрывала корка льда, и сколько бы Олух ни пытался проломить её, сколько бы ни звал на помощь — всё было бесполезно.

Его никто не слышал.

Днём его по-прежнему тошнило от вида еды, а его музыка стала похожа на битву из баллад менестрелей: ужасная какофония звуков, вобравшая в себя крики живых и раненых, звон мечей и стук подков, протяжные стоны боли и мольбы о спасении.

Ему казалось, что все на корабле слышат его песню. Все ощущают ужас, что он испытал ночью. Только человек-волк оставался прежним — мрачным и сосредоточенным.

— Всё будет хорошо, Олух. Всё будет хорошо, — снова и снова повторял он. — Я приведу к тебе того, кто сможет помочь.

Ночью кошмар вернулся. Его тело в ледяной воде скукожилось, как сушёная слива, стало маленьким и слабым. Лёд больше не покрывал поверхность моря, но спасение оставалось невыполнимой задачей. Олух устал бороться, не умел плавать и не слышал музыки.

Только тишину.

И он принял её, сделав глубокий вдох.

Было почти не больно.

Течение относило его тело всё дальше и дальше, забирая те крохи тепла, что ещё остались.

А потом чьи-то ласковые руки спасли его. Тёплые, шершавые, сильные — так похожие на мамины.

— Теперь с тобой всё в порядке.

Когда он снова смог дышать, то увидел склонившуюся над ним женщину, самую красивую и добрую, вкусно пахнущую свежей выпечкой и домашней птицей. Рядом с ней был человек-волк. Обросший шерстью, с преобразившимся в звериную морду лицом, он с жалостью смотрел на Олуха. Жалость напоминала стук молотка о наковальню: звонко и противно. И хотя человек-волк помог ему, Олух не испытывал благодарности. Только глухое раздражение и желание, чтобы его оставили в покое. Он снова перевёл взгляд на женщину.

— Ты же знаешь, что можешь мне доверять. — Ободряюще улыбнулась она.

Олух плохо понимал значение слов — они казались ему навязчивым жужжанием пчёл, но он поверил им. Ведь женщина, спасшая его, продолжила:

— Потому что я люблю тебя.

Эти слова могла произнести мама, певшая для него колыбельные, связавшая шапочку и подарившая красный свисток. Но шапочка давно истрепалась и стала дырявой, а свисток сломали. Только музыка и слова всегда оставались с ним.

Эта женщина не была его матерью, но она создала для него убежище. Самое безопасное место в мире: фургон с дымчатыми стенами, в котором когда-то Олух путешествовал вместе с бродячими артистами.

В фургоне пахло перцем и сухим луком. Знакомо. По-домашнему. А за его стенками звучала музыка, окружавшая его в детстве. Олух свернулся калачиком, сонный и довольный, что ему есть куда сбежать от опостылевшего моря. Мелодия убаюкивала, а тёплые руки женщины успокаивающе гладили по волосам.

— Я снова приду к тебе сюда в гости. Можно? — спросила она.

«Можно», — хотел он ответить, но, засыпая, увидел, как женщина исчезла, распавшись на сотню бабочек с яркими крыльями.

Олух знал, что ещё встретит её. Стоит лишь захотеть — и музыка подхватит его, унесёт в безопасный мир фургона с мягкими подушками.

В его убежище, где не будет ни холода, ни пронизывающего до костей ветра, ни человека-волка, которого он побаивался.

Утром Олуха впервые с начала путешествия не стошнило. Он съел кашу с коркой хлеба и был вполне доволен жизнью. Его окружала полюбившаяся с детства музыка: смех и тихая песнь лютни, ржание коней, тащивших днём фургон и ласковый голос мамы, поющей колыбельную.

Море Олуху больше не снилось.

Пробуждение

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: мини, кол-во слов: 1 972

Пейринг/Персонажи: Рапскаль/Тимара/Татс

Категория: гет

Жанр: Romance/General

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: АУ

Краткое содержание: Кельсингра просыпалась, и Рапскаль просыпался вместе с ней.

Примечание: Таймлайн — события происходят после книги "Кровь драконов".

Размещение: С разрешения автора.

— Рапскаль! — позвала его Амаринда. — Рапскаль, так больше нельзя. Ты утонешь в воспоминаниях.

Она потянула его, словно маленького ребёнка, за руку. Поток чужих воспоминаний иссяк, стоило ему перестать прикасаться к камню памяти. Это было похоже на падение с драконьей спины в реку: неожиданно, болезненно и отрезвляюще.

— Рапскаль?

Он посмотрел на Амаринду, но вместо неё увидел Тимару. Её тёмные волосы были небрежно стянуты в узел на затылке, а крылья свисали по бокам. Если не присматриваться, то их можно было спутать с полами плаща.

— Сколько?

Рапскаль хотел спросить, сколько прошло времени, но не смог. В горле пересохло, каждое слово причиняло боль.

— Сутки, — она вздохнула и обняла его.

Тимара редко позволяла себе показывать привязанность — вбитые с детства правила и запреты всё ещё её сдерживали.

Значит, испугалась, что в этот раз он не вернётся.

Довольно зажмурившись, Рапскаль сжал Тимару в объятиях. Он не мог отказать себе в удовольствии прикасаться к ней.

— Пошли домой, Рапскаль.

— Пошли.

Сегодня можно немного отдохнуть, а завтра вернуться и продолжить поиски. Осталось ещё много колонн, и ключ к пробуждению города наверняка был спрятан в одной из них.

***

Иногда Рапскалю казалось, будто всё, что его окружает, — сон. Дурной, затянувшийся, вязкий кошмар, который всё длится и длится. Очень хотелось проснуться, но не получалось.

Каждую ночь, засыпая, Рапскаль повторял себе, что завтра всё изменится. Но наступало утро, он открывал глаза и видел всё тот же потолок с серебряными прожилками. Его по-прежнему звали Рапскаль, а не Теллатор, а его Амаринда выбрала ремесленника вместо воина.

В небе летали драконы, но Кельсингра спала крепким сном, иногда вздыхая и ворочаясь, отчего землю рассекали безобразные трещины. Рапскаль верил, что сумеет пробудить город. Что по улицам вновь будут гулять сотни Элдерлингов, на площадях и амфитеатрах — выступать артисты, а в мастерских начнут создавать чудесные вещи, которыми когда-то так славилась Кельсингра.

Возможно, тогда он тоже сумеет проснуться.

***

Их дом находился над драконьими купальнями. Просторные комнаты, объединённые дверьми-арками, казались Рапскалю роскошными. Теллатор же смотрел равнодушно, с лёгким пренебрежением человека, давным-давно привыкшего к богатству. Две его личности тесно переплелись между собой, из-за чего порой возникало ощущение, что его настоящего больше нет. Что место Рапскаля занял незнакомец с алой чешуей и ледяным сердцем.

Сначала он жил в комнатах один. Ему нравилась простая, аскетичная обстановка, единственным украшением которой была мозаика, сделанная из разноцветных стекляшек. На рассвете и закате солнечные лучи преломлялись в них, отчего казалось, что драконы, изображённые на мозаике, движутся.

Однажды Рапскаль несколько дней провёл погружённым в чужие воспоминания, чем напугал хранителей драконов. Они долго искали его, пока не нашли рядом с колонной с серебряными прожилками. Тогда он сильно исхудал, стал больным и слабым. Посоветовавшись, хранители решили, что по очереди будут присматривать за ним.

Поначалу им это удавалось, но проходило время, и ничего не менялось. Рапскаля по-прежнему тянуло исследовать город, и он придумывал сотни увёрток, чтобы избавиться от надоедливых сторожей.

Ото всех, кроме Тимары.

Как-то вечером она постучала в его дверь с сумкой в руках да Татсом, маячившим за её плечом. Рапскалю безумно хотелось захлопнуть перед ними дверь, но он не смог.

Он устал от одиночества.

***

— Что ты видел сегодня? — спросила Тимара.

Рапскаль ел кашу с куском мяса. Пища казалась ему безвкусной и пресной, совершенно не похожей на изысканные блюда из воспоминаний.

— Банкет. Элдерлинги принимали гостей из города, который когда-то был на месте Трехога. Привозили удивительные игрушки, размером с ребёнка. Их плоть была сделана из дерева и глины, а внутри — шестерёнки и сталь, благодаря которой они могли двигаться и даже разговаривать. — Он закрыл глаза, стараясь в мельчайших подробностях вспомнить увиденное чудо.

— Глупость какая. Зачем создавать такие дорогие игрушки для детей?

— Не знаю, Тимара. Мне кажется, что они не предназначались для детей… Скорее, для взрослых, которые хотели иметь детей.

Все они помнили, как трудно было королеве Малте сберечь жизнь маленькому Фрону.

— Всё равно это неправильно, — сказал Татс. Он сидел за столом и мастерил стрелы. Завтра была его очередь идти на охоту.

За год, проведённый в Кельсингре, хранители распределили обязанности, чтобы облегчить себе существование. Жизнь была спокойной и размеренной, но не ограниченной правилами, навязанными в детстве. Не было больше вуалей, чтобы скрыть чешую и наросты, не было и сожалений об утраченном. Хранители и люди, которые приехали вслед за ними, заново строили свою жизнь, не оглядываясь назад.

Рапскаль не стал спорить с Татсом. Он воспринимал его как неизбежное зло, с которым надо мириться, чтобы Тимара была рядом.

Ложась спать, Рапскаль привычно засунул кинжал под подушку. Он знал, что в городе было безопасно, но привычка Теллатора оказалась сильнее здравого смысла.

Ночью ему приснилась Амаринда. Обнажённая и бесстыдная, она кормила его виноградом и рассказывала забавную историю о наставнике. Рапскаль перехватил её руку с ягодой и притянул к себе, чтобы поцеловать, но Амаринда звонко рассмеялась и, вывернувшись, оседлала его.

Откинула голову назад и качнула бёдрами, дразня. Она напоминала дикую грушу, которую он когда-то нашёл в лесу: кисло-сладкая, сочная, похожая на маленькое солнце. Рапскаль сжал её бедра, скользнул руками выше, наблюдая, как чешуя становилась насыщенного синего цвета, а за спиной раскрывались крылья. Амаринда медленно превращалась в Тимару. Будто живое серебро, проникала в неё, делая ещё желаннее и недоступней.

Миг — и вот уже Тимара стонала под его руками, как в их первую и единственную ночь. Она улыбалась, позволяя целовать и ласкать себя, шептала, что он ей нужен.

Нужен больше, чем Татс.

Темнота окружала их, сгущалась, принимая форму человеческого тела. За спиной Тимары появилось существо с длинными острыми когтями на руках. Рапскаль хотел оттолкнуть угрозу, но его ладонь прошла сквозь чужака, словно тот был соткан из тумана.

Тьма затягивала его, сжимала в объятиях, целовала, смотрела на него медными глазами Татса и ухмылялась.

Видишь, она даже во сне принадлежит мне. Вы оба.

Рапскаль закричал — он никогда в жизни не чувствовал себя более беспомощным, чем сейчас, — а потом проснулся.

***

— Тише. Это всего лишь сон, — шептала Тимара, пытаясь забрать у него кинжал.

Рапскаль не помнил, как достал его, не помнил, как порезался. Рана на ладони болела и кровоточила, но он готов был терпеть. Он стерпел бы тысячу порезов, лишь бы Тимара никуда не уходила.

— Да уж, дружище. Ещё немного, и ты бы остался без пальца.

Татс, взъерошенный и злой, оттеснил Тимару и забрал у него кинжал. А потом обработал рану и наложил повязку.

— Хуже ребёнка. Те хотя бы иногда думают, прежде чем сделать, а ты все мозги отдал камню памяти.

— Татс! — укоризненно воскликнула Тимара.

— О, только не надо его защищать. Он ведёт себя как капризный ребёнок, совершенно не думая о последствиях.

— Никто не просил тебя мне помогать, — огрызнулся Рапскаль.

Ему всё ещё было не по себе после кошмара. Он хотел, чтобы Татс поскорее ушёл, но сегодня Са повернулся к нему спиной.

Друзья проверили постели в поисках оружия, но, ничего не найдя, ненадолго оставили Рапскаля. Как оказалось, только для того, чтобы принести подушки с одеялами и лечь рядом с ним.

— Спи, — сказал Татс, закутываясь в одеяло.

С противоположной стороны легла Тимара. Рапскаль знал, что она обиделась, и хотел извиниться, но рядом был Татс, ставший непреодолимой пропастью между ними.

***

— Опять направляешься к колоннам?

— Тебе какое дело? — спросил Рапскаль.

Татс утром не пошёл на охоту, а последовал за ним. Он не пытался остановить его или отговорить погружаться в воспоминания, просто всё время находился рядом.

— Тимара попросила присмотреть за тобой, — нехотя признался Татс. — Хочешь исследовать город — пожалуйста. Только знай меру и не впадай в крайности.

Рапскалю нечего было возразить. Он шёл вперёд, сдерживая дурацкое детское желание сбежать. Теллатор не стал бы сбегать. Он вызвал бы Татса на поединок, силой доказывая право самому принимать решения.

На площади с камнями памяти было пусто и тихо, но это ненадолго. Стоит прикоснуться к стенам или колоннам — и воздух наполнится звуками и запахами, а вокруг появятся призраки Элдерлингов, которые когда-то жили в Кельсингре. Рапскаль прикоснулся к ещё не исследованной колонне. Водоворот чужих воспоминаний подхватил его, завертел. Он то тонул в них, то всплывал на поверхность, преодолевая шум десятков голосов.

Сегодня ему повезло. Рапскаль оказался в комнате с водяными резервуарами. Их соединяли трубы и странные механизмы, похожие на огромные колёса. Он стоял на деревянной площадке, и с неё хорошо было видно, как вода перекачивалась по трубам и приводила в движение весь механизм.

Чужие воспоминания подсказывали ему, что система клапанов помогала обогревать дома и теплицы, наполнять водой фонтаны на площади драконов и купальни. Всё, что нужно, — это вовремя нажимать на рычаги.

— Ты нашёл, что искал?

Рапскаль посмотрел на говорившего — Элдерлинга с бронзовой чешуёй и смутно знакомыми чертами лица.

— Да.

— Замечательно!

Элдерлинг хлопнул в ладоши, и всё, что их окружало, разлетелось на осколки. Рапскаль вновь попал в водоворот, но на этот раз он не затягивал, а выталкивал его. Миг — и он оказался на площади, жадно ловя ртом воздух, словно и вправду тонул.

— Цел? — спросил Татс. Он сидел рядом, уставший и со взъерошенными волосами.

— Да. — Сегодня Рапскаль действительно ощущал себя целым после погружения в воспоминания.

«Возможно, то, что Татс теперь всегда будет рядом, не так уж и плохо», — мелькнула в его голове мысль.

***

С того дня они вдвоём искали комнаты с рычагами из воспоминаний. Татс согласился помочь ему, если Рапскаль больше не будет в одиночестве днями просиживать возле камней памяти. Это была сделка, о которой они не рассказали Тимаре, прекрасно зная, что она разозлится. Их дружба, которая, казалось, была давно утрачена, вернулась,

став мостом, перекинутым через воображаемую пропасть. Она соединяла их так же, как и Тимара. Заполняла пустоту и вытесняла Теллатора.

По ночам они по-прежнему спали вместе. Рапскалю нравилось ощущать заботу друзей и тепло их тел. Вот только друзьями он их больше не мог назвать. Семья. Единственная семья, которая всегда принимала его таким, каким он был. Со временем Татс перестал ревновать Тимару к Рапскалю. Пропасть между ними становилась всё уже, пока однажды не исчезла.

Это произошло одним вечером, когда Тимара готовилась ко сну в ставшей общей комнате. Она собиралась расчесать волосы, но Рапскаль спросил, можно ли это сделать ему. Тимара согласилась.

Он растягивал удовольствие, любуясь необычным цветом локонов и блеском чешуи на её плечах, а когда закончил, то увидел Татса. Рапскаль задумчиво смотрел на них, а потом вдруг улыбнулся, словно принял для себя важное решение.

В конце концов, не обязательно выбирать кого-то одного, чтобы быть счастливым.

***

— Татс, как ты мог!

Тимара действительно разозлилась. Её крылья встопорщились, делая её больше и опаснее, руки были сжаты в кулаки, и казалось, что она вот-вот набросится на них.

— Я тебя просила присмотреть за Рапскалем, а не потакать его капризам. Как ты не понимаешь, что это опасно!

— Но, Тимара…

Татс попытался оправдаться, но безуспешно. Она продолжала отчитывать его, как провинившегося ребенка. Рапскаль благоразумно помалкивал. Он знал, что когда Тимара немного успокоится, с ней можно будет поговорить и убедить, что ничего плохого не произошло.

Во время их с Татсом исследования города она застала их погружёнными в чужие воспоминания. Это произошло на улице Полумесяца. Такое название ей дали за необычную форму: здесь не было никаких важных зданий или богатых домов, но зато стояли несколько колонн, сделанных из камня памяти, которые могли хранить важные воспоминания.

— И после этого ты ещё будешь называть его ребёнком?! Как ты не можешь понять, что я вас лю…

Раздался протяжный скрип, а после часть мощёной булыжниками дороги рухнула вниз. Тимара вскрикнула и отчаянно замахала крыльями, пытаясь удержать Татса. Летать она так и не научилась, но зато могла планировать. Благодаря этому ей удалось выиграть несколько драгоценных мгновений и плавно опустить Татса вниз.

Рапскаль заглянул в образовавшуюся дыру и облегчённо вздохнул, увидев, что они не пострадали. Тимара отряхивала одежду, а Татс осматривался. Затем поднял голову и, широко улыбнувшись, сказал:

— Мы нашли его, Рапскаль. Нашли.

***

Вода, как и много десятилетий назад, сумела запустить сложный механизм, который вновь возрождал Кельсингру к жизни, — будто живое серебро, такая же важная и драгоценная. Элдерлинги, основавшие город, придумали изящное решение многих проблем, используя в своих изобретениях силу и напор воды.

Огромные колёса крутились, мерно поскрипывая. Часть труб при обвале сломались, как и помост, где находились рычаги. Но восстановлением хранители займутся завтра. Сегодня же они радовались своей победе.

Тимара обнимала Рапскаля и Татса так крепко, словно боялась, что они исчезнут. Было не важно, где чьи руки, не важно, что ещё месяц назад парни с трудом переносили общество друг друга. Они были семьёй, и это единственное, что имело значение.

Кельсингра просыпалась, и Рапскаль просыпался вместе с ней.

Не решай за меня

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: поэзия

Размер: драббл, кол-во слов: 168

Пейринг/Персонажи: Фитц

Категория: джен

Жанр: лирика

Рейтинг: G

Предупреждения: нет

Бьёт холодный родник по весне из каменной чаши.
Это время весны, и привыкла весна воскрешать.
Время стёрло черту между тем, где моё и где наше —
Если время просить, то прошу: не пытайся решать.

Ты умнее меня, ты мудрее, и, может, жил дольше,
Видел больше меня, и знаешь, как тягостно ждать.
У природы закон: там порвётся, где кажется тоньше.
Не решай за меня, я не дам тебе больше решать.

Ты один раз решил — мы расстались на старой дороге.
У меня было солнце, и ветер, и Ивовый край,
Но судьба разыскала меня и стоит на пороге:
Я не спорю с тобой, но и ты за меня не решай.

Я тебе доверял с самых ранних времён и поныне.
Я тебе доверяю — попробуй и мне доверять.
Мы с тобою прошли по заснеженной мёртвой пустыне.
Этот выбор за мной. Я прошу, не пытайся решать.

Кости выпали боком, порвалась струна менестреля,
И высоким забором воздвиглась вокруг благодать
Мирной жизни моей, не оставив ни смысла, ни цели.
Не решай за меня ничего.
Не пытайся решать.

Драконы

Автор: ОК Робин Хобб

Бета: ОК Робин Хобб

Форма: проза

Размер: драббл, кол-во слов: 664

Пейринг/Персонажи: Фитц

Категория: джен

Жанр: ангст

Рейтинг: G

Предупреждения: маленькое AU относительно отдельно взятого события канона (см. примечание)

Краткое содержание: Фитц видит сны

Примечание: Таймлайн — между "Судьбой Шута" и "Убийцей Шута". Петушиную корону не отдали Девушке-на-драконе, она осталась у Фитца.

Размещение: после выкладки по запросу.

По ночам драконы покидают привычные места и приходят в мои сны.

Я не знаю, где они обитают, пока светит солнце. Я даже не могу предположить, правдивы ли те слухи, что иногда доходят до меня — в свитках, в песнях менестрелей, в разговорах путников в городских тавернах.

Я слышал эти названия — красивые, терпкие, вязким сладким вкусом оседающие во рту. Дождевые Чащобы, Калсида... Некоторые говорили, что их там много, что целое поголовье драконов устроило себе жильё где-то далеко в сторону от Удачного. Другие уверяли, что это лишь выдумки и слухи. С ними в пьяные ссоры встревали третьи — кричащие, что они-де сами видели и Живые корабли, и драконов, и чуть ли не саму Калсиду.

В песнях бродячих певцов я слышал знакомые мне имена: Тинталья, Айсфир, — и сердце сжималось от тоски.

Но на самом деле меня не интересовала судьба драконов после того, как они покинули остров Аслевджал. На самом деле не интересовала. Жизнь моя совершила резкий поворот, приведя меня к порогу дома, который стал моим, женщине, которая стала моей, и детям, которые тоже стали моими детьми, в той или иной мере каждый. Я доволен своей жизнью, тем, какой она стала спустя почти пять лет после возвращения с острова Аслевджал. Днём Ивовую долину заливает чистый и яркий свет солнца, доверчивые звери прыгают по полянке, жизнь идёт своим чередом.

Но с тех пор как драконы нашли дорогу в мои сны, я не знаю покоя.

Они приходят — огромные, молчаливые, с перламутровыми шкурами. Они вспыхивают алым золотом и холодной синевой, открывают пасти, трубно рычат, что-то

шепчут, шипя и окружая себя льдом и пламенем. Их неясные очертания плывут в моей голове, словно я двигаюсь между ними на лодке.

У самого большого дракона синие глаза и огромные крылья.

Они смотрят на меня с укором, так, словно я разочаровал их, подвёл. Я не могу сбежать от них, куда бы я ни шёл: все дороги выводят меня на поляну, к обломкам петушиной короны. На той поляне пусто теперь, только драконы следуют за мной, постукивают хвостами, шумят крыльями, их огромные лапы оставляют следы на земле.

— Зачем ты сделал это, Фитц?

— Зачем ты ушёл?

— Чего ты ждёшь, Фитц?

— Чего ты ждал?

— Это то, чего ты хочешь, Фитц?

— Это то, что ты хотел?

Их голоса идут изнутри меня.

Синеглазый дракон не говорит ни слова, он приходит последним, ложится вокруг меня, огибает хвостом, и я мечусь по замкнутому кругу, бегу, пока хватит сил, под его взглядом, а за ним поднимается бесконечная поросль ежевики — яркой, сладкой, сочной ягоды, спрятанной среди острых колючек. Они разрастаются вокруг и впиваются в тела драконов, кровь течёт по их крепким шкурам. Ветви добираются до меня, и я запутываюсь в них, но уколоть меня они не могут, потому что во мне не осталось ни капли крови.

Однажды я просыпаюсь для того, чтобы найти петушиную корону рядом с собой на подушке.

Я надеюсь, что никто из моих домашних не видел её — ни Молли, ни Нэттл. Я спрятал её так далеко и так глубоко, как только мог. Она напомнила мне о Шуте, от которого я за пять лет не получил ни единой весточки со времён его прощального письма. Иногда я думал о том, чтобы отправиться в путь и разыскать его, но иголку в стоге сена найти было бы проще. Он сам разорвал нашу связь, сам отказался стать моим спутником, сам всё за меня решил. Я же теперь лишь пытаюсь идти выбранной для меня дорогой, снова доверяясь ему, потому что эта дорога привела меня к дому и семье.

И петушиная корона, надёжно запертая в сундуках, лишь бередит воспоминания, и боль, которая ещё сильна во мне, поднимает голову. Боль моя похожа на синеокого дракона, молчаливого стража моей души.

«Почему ты не можешь уснуть, Верити?» — хочу спросить я, но мой голос уносит шторм. Кукольный смех в моей голове не умолкает до рассвета. Утреннее солнце разгоняет туман, и я забываю о своих снах до тех пор, пока не наступает ночь и в мои сны не возвращаются, хлопая крыльями, выдувая пламя, истекающие кровью и ежевичным соком калсидийские драконы.